

Т. В. Кудрявцева

ТЯЖУЩИЕСЯ НА БЕМЕ: РЕЧИ И ПОВЕДЕНИЕ СТОРОН В АФИНСКОМ НАРОДНОМ СУДЕ

В историографии афинские судебные заседания не раз сравнивались с театральным агонем и самой драмой¹. Действительно, таких точек соприкосновения было предостаточно: и в том, и в другом случае устраивалось представление перед публикой; решение о победителе принималось голосованием демократически избранных судей; иногда совпадал сам сюжет (преступление, тема вины, ответственности и кары). Важно было то, кто и как исполнял роль (речь), сила и красота его голоса²; схожи были манера исполнения, средства воздействия на публику, к которым прибегали в том и другом случае действующие лица. Главное различие состояло в том, что было два возможных сценария, и перед участником судебной драмы стояла задача убедить присяжных выбрать из двух именно его вариант события, составившего предмет агона.

Ораторы старались завоевать симпатии судей, вербализируя общепринятые представления о «желательном поведении», содержащиеся как в писанных законах, так и в неписаном моральном кодексе³, и стремились максимально учитывать в своих выступлениях господствующие в обществе взгляды и убеждения. Своими речами они не только творили нужную для себя реальность, но и воспроизводили, а кое в чем и корректировали идеологию афинской демократии. Следует признать, что любые современные попытки реконструкции ее системы ценностей достижимы не иначе, как *sub specie* тяжущихся на беме⁴.

Содержанием речи и той, и другой стороны было не только конкретное дело, факт, поступок, которые и привели к тяжбе, но вся предшествующая частная и общественная жизнь, а также моральный облик оратора и его противни-

¹ См., например: *Garner R. Law and Society in Classical Athens*. N.Y., 1987. P. 95–130 (Ch. 4. Law and Drama); *Osborne R. Law in Action in Classical Athens* // *JHS*. 1985. 105. P. 52; *Hall E. Lawcourt Dramas: The Power of Performance in Greek Forensic Oratory* // *BICS*. 1995. 40. P. 39–58; *Goldhill S. Programme Notes* // *Performance Culture and Athenian Democracy* / Ed. S. Goldhill, R. Osborne. Cambr., 2004. P. 25; *Ajootian A. The Civic Art of Pity* // *Pity and Rower in Ancient Athens* / Ed. R.H. Sternberg. Cambr., 2005. P. 223–225; *Todd S. Law and Oratory at Athens* // *The Cambridge Companion to Ancient Greek Law* / Ed. M. Gagarin, D. Cohen. Cambr.–N.Y., 2005. P. 111.

² См. подробнее: *Easterling P. Actors and Voices: Reading between the Lines in Aeschines and Demosthenes* // *Performance Culture and Athenian Democracy...* P. 154–166.

³ См. *Herman G. Honour, Revenge and the State in Fourth-Century Athens* // *Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr.* / Hrsg von. W. Eder. Stuttgart, 1995. P. 44–45.

⁴ τὸ βῆμα – каменное возвышение (помост), на котором выступали тяжущиеся и их свидетели; в IV в. до н.э. на одном помосте стоял обвинитель, на другом – подзащитный (*Aeschin.* III. 207; *Dem.* XLVIII. 31; *Schol. in Dem.* XIX. 120).

ка⁵. Выступающий (точнее, составитель его речи) пытался выставить свои поведение и характер в максимально выгодном свете, действия – правильными и справедливыми и одновременно опорочить притязания и моральный облик противника (топос *πίστις ἐκ βίου*); от того, насколько он успешно и убедительно исполнит свою партию в этом драматическом действе, зависел исход его дела.

Истец обычно начинал свое выступление с заверений, что он не искушен в речах, в судах раньше не выступал (Ant. I. 1–4; III. 2; V. 1–7; Lys. XVII. 1; XIX. 1–2; Dem. XXVII. 2; XLI. 2; LXIII. 3 etc.), а противник его, наоборот, умелый оратор, хорошо разбирается в законах (Lys. XIX. 2; Is. IX. 35; X. 1; Dem. XXII. 4; XXIII. 4–5; XLI. 2; LVIII. 24; Нур. I. 19), нисколько не смущаясь в том случае, если вдруг его утверждение оказывалось откровенно лживым (как, например, Dem. XXIX. 6). На самом деле, все дошедшие до нас речи, в том числе и те, в которых произносящий жалуется на свою неопытность и необученность в риторике, – лучшие образцы, шедевры афинского красноречия. Топос «я не умею хорошо говорить» (*μη̄ δύνασθαι λέγειν*) пользовался, вероятно, таким успехом у судей, что они закрывали глаза на эту фикцию по сути: среди судей, как и вообще среди афинян, было укоренено представление о том, что искусный, особенно прошедший специальное обучение вития может обмануть аудиторию, сбить ее с толку, заставить неправильно проголосовать⁶. Однако это предубеждение не мешало судьям предвкушать и получать наслаждение от мастерски произнесенной речи, и не в интересах оратора было разочаровывать их. Разновидностью и развитием данного топоса являлось заявление тяжущегося о том, что ранее его никто и никогда не обвинял; можно было добавить, что и сам он не выступал с исками (Lys. XII. 4. 20; XVI. 10; XXI. 19; Is. X. 1; Dem. XXXIV. 1).

Обвинители, инициировавшие государственный процесс, любили ставить на вид свой патриотизм (Dem. XXIII. 190; Лус. I. 3), негодование на творимые бесчинства в отношении государства и его законов (Dem. XXIII. 5; XXIV. 8; Aeschin. I. 2). Ответчик ссылался на свою безупречную жизнь (военная служба, общественные обязанности и повинности, образцовый семьянин); впрочем, те же аргументы приводил и обвинитель (Dem. XXVIII. 19. 24; XXXVI. 39; XXXVIII. 25. 28; LIV. 14). Богатый тяжущийся всячески подчеркивал те благодеяния, которые он и его предки оказывали народу: не жалея воды в клепсидре, подробно перечислял все собственные и отеческие литургии, щедроты и заслуги (Ant. II. 2, 12; Lys. VII. 31; XXI. 1–10; XIX. 57–59; Is. V. 41–42; Dem. XLII. 23; L. 7). Хорошо было напоминать время от времени судьям, что и в будущем он не покусится, поэтому выигрыш его дела – в интересах всего народа (Lys. XXI. 12–14; Is. V. 37). Так, Демосфен в речи против одного из своих

⁵ См. *Маринович Л.П.* Мидий и его друзья, или Демосфен против плутократов // ВДИ. 1998. № 2. С. 20.

⁶ Об этом предубеждении против риторики см. подробнее, с примерами из источников: *Dover K.J.* Greek Popular Morality in the Time of Plato and Aristotle. Berkeley–Los Angeles, 1974. P. 23–26; *Ober J.* Mass and Elite in Democratic Athens. Princeton, 1989. P. 166–182; *Hesk J.* The Rhetoric of Anti-rhetoric in Athenian Oratory // Performance Culture... P. 207–218. Иногда аудитория «позволяла» ораторам, говорящим от своего имени, хвалиться своим умением, образованностью и доблестью (например, Dem. XVIII. 256–267, 320), ибо эти качества служили интересам демоса – демократии время от времени нужны были высокообразованные эксперты и их советы (*Ober.* Op. cit. P. 182–191).

опекунов, обещая выполнять общественные повинности («я заменю его вам в выполнении литургий» – ἐμὲ δ' ὑμῖν διάδοχον ἀνθ' αὐτοῦ τῶν λητουργιῶν ἐσόμενον), тут же просит судей помочь ему «ради и справедливости, и вас самих, и нас, и покойного отца» (βοηθήσατε, καὶ τοῦ δικαίου καὶ ὑμῶν αὐτῶν ἕνεκα καὶ ἡμῶν καὶ τοῦ πατρὸς τοῦ τετελευτηκότος – XXVIII. 19–20).

Добросовестное исполнение литургий и прочих повинностей, во-первых, положительно характеризовало тяжущегося, а, во-вторых, участник процесса мог рассчитывать на благодарность (χάρις) судей как представителей демоса за все оказанные народу услуги, и он прямо об этом заявлял (Lys. XXV. 12–13; XX. 30). Одно из самых проникновенных воззваний к χάρις – в XIV речи Лисия, когда подсудимый после перечня всех своих благодеяний, говорит: «За это я прошу у вас теперь заслуженной мною благодарности (χάρις)... Помните, что для нас [т.е. обвиняемого и его детей, которых он привел с собой в суд. – Т.К.] будет несчастьем, а для вас позором, если нам придется лишиться гражданских прав, впасть в бедность и ходить по городу в большой нужде, терпя судьбу, не заслуженную нами и не достойную оказанных нами вам услуг» (XIV. 25; пер. С.И. Соболевского).

Истец нередко подчеркивал, что у него были личные причины возбудить дело (неприятнь, вражда, ссора, месть), очевидно, для того, чтобы не заподозрили в сикофанстве или корысти (Lys. XV. 12; Dem. XXII. 1–3; LIX. 1–13). Все это вполне вписывалось в рамки греческой этики, в которой еще со времен Гомера справедливость и честь требовали оказывать помощь друзьям и вредить врагам (Xen. Mem. II. 6. 35; Plat. Rep. 332d–335c). В одной из речей Лисия эта максима повторяется дважды: «Так уж заведено, чтобы врагам делать зло, а друзьям добро» (IX. 14, 20)⁷. О действительности такого рода аргумента говорит то, что порой участники тяжбы, которые не имели личного мотива, пытались его измыслить (Lys. XXIV. 2). В некоторых случаях истец оправдывал отсутствие мотива личной вражды (ἔχθρα) при внесении иска особыми соображениями⁸, например внешнеполитической целесообразностью (Dem. XXIII. 1) или множественностью преступлений ответчика (Lys. XXXI. 2).

Отомстить (τιμωρεῖν) врагу в допустимых, естественно, пределах⁹ было делом чести для афинянина (Lys. XIV. 2), порой даже наследуемым моральным обязательством (Lys. XXXII. 22), а судебный иск был вполне социально приемлемой формой возмездия (Dem. XXII. 3; LIII. 2; LIX. 12)¹⁰. Обвинитель доносчика Агората, по вине которого погибло множество людей во время тирании Тридцати, в том числе родственник оратора Дионисодор, заявляет дикастам: «И человеческий, и божеский закон требует от меня и от вас всех посильного мщения; такой образ действий, я думаю, возвысит нас в глазах и богов и людей» (Lys. XIII. 2; пер. С.И. Соболевского). Лучше всего, когда личную месть можно было совместить с общественной пользой: «и государству помощь оказать, и за себя наказать» (ἄμα τῇ τε πόλει βοηθεῖν... καὶ δίκην ὑπὲρ αὐτοῦ λαβεῖν – Dem. XXII. 1; ср. также Lys. XII. 2; XIII. 2–4; Dem. XXIV. 8; Aeschin. I. 2).

⁷ Об этой этической установке см. подробнее, с примерами из источников: *Dover*. Op. cit. P. 180–184.

⁸ См. *Суриков И.Е.* О некоторых особенностях правосознания афинян классической эпохи // *Древнее право*. 1999. № 2. С. 39.

⁹ Судьи не стали бы благосклонно взирать на неспровоцированную агрессию или непропорциональное возмездие (*Dem.* LIV. 1. 17–19; *Isocr.* XVIII. 38).

¹⁰ См. *Christ M.R.* *The Litigious Athenian*. Baltimore–London, 1998. P. 154, 192.

В свою очередь ответчики утверждали, что их недругами (истцами и их присными) движут зависть и злоба (Dem. XVIII. 279. 315; XXI. 29; LVII. 49; Plat. Apol. 23a–24a). В отличие от оправданного желания отомстить, зависть (φθόνος) воспринималась как нечто низкое и пагубное (Dem. XX. 140; Aristot. Rhet. 1388a–b). Поэтому так важно было убедить судей, что она-то и есть подлинный мотив судебного преследования со стороны противника, а не личная вражда, например (Lys. XXIV. 2–3): последняя могла подвести под обвинение некую моральную основу, зависть – никогда.

Порой участники тяжбы использовали антитезу ἀπρόγμων – συκοφάντης (варианты: φιλόδικος, φιλοπρόγμων), противопоставляя свои миролюбие, готовность к улаживанию конфликта даже вопреки собственной выгоде агрессивному и враждебному поведению противника (Ant. III. 2, 1; Dem. XLI. 1; XLIII. 3; LV. 1). Как сказано в одной из речей Демосфенова корпуса, «лучше в чем-то уступить и договориться, чем показаться сутягами» (δεῖν ἐλαττοῦσθαι τι καὶ συγχορεῖν ἢ δοκεῖν φιλόδικοι εἶναι – LVI. 14; ср. Lys. X. 2). Ярлык «сикофант» легко приклеивался к противнику (Lys. VII. 1; Dem. XVIII. 32; XXIX. 25; XXXVI. 53; XLVIII. 35; LV. 28; LVIII. 27; Aeschin. I. 1). Тяжущиеся не упускали случая указать на то, что действия их противников – вызов общепринятым ценностям и правилам поведения в социуме; ради сомнительного барыша попираются родственные чувства, дружба – все то, что включает в себя понятие φιλία (Is. IX. 25; Dem. XLV. 53–54; XLVIII. 46; LX. 23–24). Сами они не желали выяснять отношения с родственниками (друзьями, соседями) в суде (Lys. XXXII. 1–2; Is. I. 6; Isocr. XV. 27; Dem. XXX. 2); хотели уладить дело миром через посредничество близких (Lys. XXXII. 2); однако их противники презрели эту возможность (ведь близкие сразу изобличат их ложь, а судьи, может быть, и не заметят – Dem. XLVIII. 40; LX. 9). В некоторых случаях истец или ответчик пытались представить свои отношения с противником как дружеские, очень близкие, хотя, по всей вероятности, они таковыми не были. Например, Аполлодор (Dem. LIII) обвиняет Никострата в предательстве их дружбы, но из его рассказа ясно, что последний скорее работал на Аполлодора, и их отношения едва ли были отношениями равных (LIII. 4)¹¹; он же пытается описать глубоко деловые отношения между прославленным афинским стратегом Тимофеем и своим отцом, банкиром Пасионом, как дружеские (XLIX). Вероятно, тяжущиеся полагали, что судьи не оставят без внимания извращение общественных идеалов (в данном случае – дружбы) и накажут виновников.

Противника старались опорочить, не гнушаясь насмешками над его характером, внешностью, манерой поведения, походкой, голосом, одеждой (And. I. 100; Dem. XXXVI. 45; XXXVII. 52–56; XLV. 68–69. 77; Aeschin. I. 131–132; II. 157). Очернение противника (διαβολή) входило в обязательный набор приемов судебного красноречия, как, впрочем, греческой риторике in toto¹². Доставалось и его родственникам, и друзьям (Ant. V. 79; Dem. XIX. 237; XXIV. 6; XXV. 79–80). Стороны не гнушались очернительскими выпадами против предков, особенно родителей противника (Lys. XIV. passim; XXX. 6; Dem. XVIII. 126–131; XXIV. 200–201). От эпохи аристократического правления афинская демократия унаследовала веру в наследственность личных качеств¹³: стоило

¹¹ Разбор этой речи – *Christ. Op. cit.* P. 176–177.

¹² См. *Зайцев А.И.* Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н.э. СПб., 2000. С. 111.

¹³ *Суриков И.Е.* Остракизм в Афинах. М., 2006. С. 438. См. также *Ober. Op. cit.* P. 251–254.

доказать порочность предков – и легко заронить мысль о порочности их потомка. Намеки на рабское или чужеземное происхождение противника (Lys. XXX. 2. 5–6 – δούλος ἐκ δούλων; Dem. XXI. 149–150; LVII. 18; Din. I. 15) также должны были настроить судей против него. Известен обмен колкостями между Демосфеном и Эскином: Эскин прохаживался насчет скифских предков Демосфена и называл своего противника скифом (Aeschin. II. 78; III. 171–172), а тот в ответ измыслил рабское прошлое отца Эскина и то, что последний якобы хитростью добился внесения себя в списки граждан (Dem. XVIII. 130–131. 261). Судьи, естественно, не воспринимали такие намеки всерьез: тогда надо было бы немедленно обвинить ответчика, по сути, в незаконном присвоении прав гражданства и наказывать смертью. Но определенный отрицательный фон подобные нападки, являющиеся частью традиционной политической инвективы в риторике и комедии, все же создавали, рождая сомнение в наличии должного патриотизма и доблести, наследуемых от чистокровных предков¹⁴.

Современного читателя не может не поражать беззастенчивая ложь многих обвинений и нападок в дошедших до нас речах афинских судебных ораторов: их чрезмерность выглядит сюрреалистическим абсурдом; зачастую они противоречат не только здравому смыслу, но и предшествующим словам самих ораторов, что, впрочем, отнюдь не смущало последних. Словесная дуэль между Демосфеном и Эскином, о которой мы только что упоминали, – один из ярких примеров. В более ранней речи «О преступном посольстве» (343 г. до н.э.) Демосфен, насмехаясь над родителями противника, говорил, что отец Эскина, Атромет, был школьным учителем, а его мать, Главкофея, – жрицей какого-то мистического культа (XIX. 281), однако в своем выступлении в защиту Ктесифонта («О венке») на процессе, состоявшемся в 330 г., он дал волю своему воображению, сочинив историю о рабе Тромете (носившем колодки и деревянный ошейник), который прибавил к своему имени два лишних слога, чтобы его имя звучало по-афински, и о распутнице по прозвищу Эмпуса (с подробным «объяснением» его этимологии), назвавшейся Главкофеей (XVIII. 129–131). Фантазию Демосфена, видимо, питало то, что к этому времени число людей, лично знавших родителей Эскина, поубавилось... Остается предположить, что подобный «черный юмор» (ведь не могли же судьи принимать весь этот бред за чистую монету!), помогал оратору через смех и улыбку аудитории сохранять ее внимание¹⁵, кроме того, разделяя с оратором насмешку, публика становилась своего рода соучастницей его речи и дела.

Интересно, что примеров чистого юмора и остроумия в дошедших до нас речах не так-то много, причинами чему могло быть несколько обстоятельств. Страсти во время тяжб раскалялись не на шутку, сыпались взаимные оскорбления, а сердитый или разгневанный выступающий редко бывает забавным. Возможно также, что профессиональные логографы, пишущие для серьезных клиентов, не всегда включали шутки или остроты в варианты для печати¹⁶ – тем ценнее сохранившиеся тексты *cum grano salis*. В речи, написанной Лисием

¹⁴ Известный миф об автохтонности афинян (*Herod.* I. 56–58; *Thuc.* I. 2. 4) породило у афинян убеждение в особом, передаваемом по наследству, благородстве происхождения (εὐγενεία), свойственном их полису. См. подробнее: *Ober.* Op. cit. P. 261–266.

¹⁵ См. *Harding P.* *Rhetoric and Politics in Forth-Century Athens* // *Phoenix.* 1987. 41. P. 31.

¹⁶ Эти предположения высказал Р. Боннер, специально исследовавший судебные речи на предмет содержащегося в них юмора: *Bonner R.J.* *Wit and Humour in Athenian Courts* // *CPh.* 1922. 17. № 2. P. 97–103.

против философа Эсхина, в прошлом – ученика Сократа, в юмористическом духе описываются последствия его патологического нежелания отдавать долги (многие ссужали его, проникшись его рассуждениями о добродетели и справедливости): бакалейщики поблизости закрывают магазины; соседи съезжают куда подальше; кредиторы с утра стекаются к дому в таком количестве, что прохожие принимают эту толпу за похоронную процессию и т.п. (Lys. fr. 1 = Athen. XIII. 611 e–f). В одной из речей Исея рисуются алчные претенденты на наследство Никострата, умершего за границей: кто только не облачился в траур и не остриг волосы, когда весть о его смерти дошла до Афин, собралась целая толпа «родственников» и «сыновей», кто-то появился перед архонтом с «сыном усопшего» трех лет от роду, хотя Никострат одиннадцать лет не появлялся в городе (IV. 7). Своеобразным грубоватым юмором, бурлеском, язвительными насмешками наполнена речь, которую Лисий написал для лишенного пенсии ветерана (XXIV)¹⁷.

Афинские Филоклеоны, с нетерпением ожидающие шуток (Aristoph. Vesp. 579), пожалуй, чаще, чем в громких процессах, могли слышать их в процессах незначительных, в незамысловатых речах, которые составляли сами тяжущиеся, приправляя их острым словом и дионисийским раздольем, о которых мы можем только догадываться. В любом случае, у Демосфена были основания упрекать дикастов: «Вы, афиняне, оправдываете тех, чья вина в величайших преступлениях¹⁸ со всей очевидностью доказана, если они произнесут в суде одну или две остроумные шутки или если члены их филы, избранные защитниками, просят вас о снисхождении. А если вы и осуждаете кого-либо, то наказываете штрафом в 25 драхм» (XXIII. 206; пер. В.Г. Боруховича с нашими изменениями).

Бывало, что стороны упрекали друг друга в скупости, уклонении от литургий, нежелании жертвовать часть своего богатства на нужды народа (Dem. XVIII. 312; Aeschin. III. 240), а если и признавалось, что противник выполнял литургию, то подчеркивалось, что делал он это неохотно и не так щедро, как мог бы (Dem. XXI. 154. 156; Din. I. 21. 69). Другой излюбленный прием: противопоставить свою бедность богатству оппонента, преувеличивая и то, и другое; выставить себя бедняком, преследуемым богачом (Dem. XXVII. 53–54; XXXVIII. 19–20; XLIV. 3–4; L. 59–62). Порой подобные заявления звучали из уст весьма богатых людей. Едва ли судьи, например, всерьез воспринимали сотования Аполлодора, сына известного банкира Пасиона, одного из самых состоятельных афинян, с размахом и щедростью выполнявшего триерархию, на то, что он живет в «крайней нужде», а его дочери останутся старыми девами, потому что у них нет приданого (Dem. XLV. 73–74). В этом и других случаях мы имеем дело с такой же фикцией, как «неопытный оратор». Судьи, тем не менее, с удовольствием принимали участие в этой игре. Дж. Обер, на наш взгляд, предложил убедительное объяснение данному феномену: богатый тя-

¹⁷ Поскольку в данной речи присутствовала чрезмерная веселость, фарсовость и необычность, С. Ашер высказал предположение, что это – шутка, *jeu d'esprit*, «первая дошедшая до нас пародия из жанра судебного красноречия» (Usher S. Greek Oratory: Tradition and Originality. Oxf.–N.Y., 2001. P. 106–110). Аргументы против этого несимпатичного нам мнения можно найти в ст.: Carey C. Structure and Strategy in Lysias 24 // GR. 1990. 37. P. 44–51.

¹⁸ «Величайшие преступления» (τὰ μέγιστ' ἄδικούντες) – это скорее всего риторическое преувеличение; незначительный штраф в 25 драхм показывает, что речь идет о достаточно тривиальных делах (Bonner. Op. cit. P. 102).

жущийся, добровольно берущий на себя роль бедняка, спускался (точнее, опускал себя) до уровня среднестатистического дикаста; он как бы символически уменьшал долю неравенства, проистекавшего из его богатства; своим самоуничтожением он показывал, что разделяет интересы своих сограждан и их предубеждение против чрезмерного богатства¹⁹.

Обращает на себя внимание то, как часто тяжущиеся в своих выступлениях ссылались на «общественное мнение», приводя в качестве аргумента (видимо, весьма действенного) слова «вы все знаете» или «кто не знает» (τίς οὐκ οἶδεν), – когда, например, речь шла о «моральном» облике самого оратора или его соперника (Lys. XXIX. 6; Is. III. 19; Dem. XVIII. 10; XIX. 119; XXI. 149; XL. 53²⁰ etc.; Aeschin. I. 127–130 – рассуждение о значении молвы в общественной жизни полиса с цитатами из Гомера и Гесиода; Нур. IV. 22 – не только все афиняне, но даже дети знают ораторов, состоящих на содержании у македонян). Дж. Обер полагает, что успешность употребления подобных выражений и ссылок на Φήμη объясняется их связью с эгалитарной идеологией²¹: то, что знает весь народ, – по определению справедливо и демократично. Судя по судебным речам, афинская демократия с успехом побуждала все социальные группы разделять общепринятые ритуалы и ценности, что приводило хотя бы к внешней демонстрации единого гражданского мировоззрения и чувства всеобщей идентичности.

Оратор мог задавать вопросы своему оппоненту, «расставляя ему словесные ловушки» (ἔρωτᾷ σκανδάληθρ' ἰστάς ἐπὶ ὧν – Aristoph. Ach. 687). Отвечать надо было обязательно – на этот счет существовал специальный закон, цитируемый Демосфеном (XLVI. 10)²². Ответы, полученные таким образом, не считались свидетельскими показаниями, против них не могло быть выдвинуто обвинение в лжесвидетельстве (μαρτυρεῖν δὲ μὴ). В дошедших до нас речах – около дюжины примеров ἐρώτησις. Лисий, например, учинил Эратосфену целый допрос, начинающийся, по-видимому, обычными в таких случаях словами: «Взойди [на бему. – Т.К.] и отвечай мне, о чем бы я тебя ни спросил (ἀνάβηθι οὖν μοι καὶ ἀλόκριναι, ὅ τι ἂν ἐρώτῶ)» (XII. 25 – в кратких ответах Эратосфен признался, что отвел Полемарха в тюрьму, но действовал из страха перед тиранами и не хотел смерти брата оратора). В XIII речи призывается к ответу обвиняемый сикофант Агорат (30), в XXII речи приводится диалог с хлебными торговцами (5). В речи «О преступном посольстве» ответа от своего противника Эсхина требует Демосфен (XIX. 120), а спустя несколько лет уже самому Демосфену задавал на суде вопросы как обвиняемому Динарх (I. 83). Знаменитая фраза Гиперида, сказанная им по поводу обвинения в противозаконии, выдвинутого против него из-за того, что он предложил после хероней-

¹⁹ Ober. Op. cit. P. 223–225, 241–242, 306.

²⁰ Пример из этой речи Демосфена весьма интересен своей критикой использования данного топоса: оратор (Мантифей) предупреждает судей, что его противник (Беот) будет заявлять: «вам это и так известно», а на самом деле – это обманчивый трюк, способ «убеждать от правды» (αλοδιδράσκειν τὴν ἀλήθειαν), к которому прибегают те, кто не в состоянии привести основательные и честные доводы. Этот пассаж как образец «мета-дискурсивной стратегии ораторов» и «антириторического топоса» подробно разбирает Дж. Хеск (Op. cit. P. 226–229).

²¹ См. Ober. Op. cit. P. 149–151.

²² Как убедительно показал Э. Кэревэн, сомневаться в подлинности этого закона нет оснований (Caravan E.M. Erotosis: Interrogation in the Courts of Fourth-Century Athens // GRBS. 1983. 24. P. 211).

ского поражения дать свободу рабам и гражданство метекам, гласившая: «Не я написал псефизму, а битва при Херонее» (οὐκ ἐγὼ τὸ ψήφισμα ἔγραψαμ ἢ δὲ ἐν Χαίρωνείᾳ μάχῃ – Ps.-Plut. Mor. 849a), – на самом деле – часть ἐρώτησις на процессе по γραφή παρανόμων, судя по приводимому у Рутилия Лупа отрывку из речи оратора (fr. 32). «Ты написал [псефизму. – Т.К.], чтобы дать рабам свободу? – Написал, чтобы свободные не испытали рабства. – Ты написал, чтобы изгнанников восстановить в правах? – Написал, чтобы никто не отправился в изгнание. – Разве ты не читал законы, которые это запрещали? – Я не мог, потому что их буквы загораживало выставленное оружие македонян» (non poteram, propterea quod litteris earum arma Macedonum opposita officiebant).

Можно вспомнить и лукавый допрос, которому Сократ подвергнул своего обвинителя Мелета, – замечательный образчик сократовской иронии (Plat. Apol. 24c–28). По ходу диалога афинский мудрец, задавая своему оппоненту хитрые, с подковыркой, вопросы, ставит того в тупик и приводит к противоречивым утверждениям, над которыми потом насмехается: «Сократ нарушает закон тем, что не признает богов, а признает богов» (ἀδικεῖ Σωκράτης θεοὺς οὐ νομίζων, ἀλλὰ θεοὺς νομίζων – 27a). Мелет, конечно, был бы не прочь отказать от этого допроса, но, как указывает Сократ, закон повелевает отвечать на вопросы (25d). Конечно, пойти на такой диалог с противной стороны отваживался обычно тот, кто сам составлял свою речь; для тех, кто пользовался услугами логографов, был риск попасть впросак²³, который, впрочем, останавливал не всех, как показывают вышеприведенные примеры из Лисия (XIII, XXII). Выспрашивание было не столько способом получить дополнительную важную информацию, сколько еще одной риторической уловкой, средством психологического воздействия на противника (смутить, сбить с толку) и на судей.

Судьи достаточно эмоционально реагировали на выступления сторон, прерывая их возгласами, свистом, криками одобрения и неодобрения. Судейский шум (θόρυβος) мог не только перебивать, но и заглушать слова тяжущихся (Dem. XIX. 23. 113), поэтому они призывали иногда судей μὴ θορυβεῖτε (Нур. I. fr. 2; Лус. I. 52; ср. Xen. Apol. 14). В свою очередь выступающие могли обратиться к судьям с вопросом, ожидая немедленного ответа и заранее просчитанной реакции, – как в известной речи Демосфена «О венке», когда оратор вопрошает: кем является его противник Эсхин, наймитом (μισθωτός) македонского царя или его ксеном (ξένος)? – а далее замечает: «Слышишь, что они говорят» (очевидно, судьи дружно возопили «наймит!»). В некоторых своих речах Демосфен (или его клиент) побуждает судей задавать вопросы противной стороне, требовать у нее предъявления каких-либо доказательств (документов, постановлений и пр.) (Dem. XX. 131; XXII. 40; XXIII. 219; XXVII. 51; XXXIII. 35–36 и т.д.) и даже не давать ей говорить (Dem. XIX. 75; XXIII. 219). Очевидно, умелый оратор был способен ловко манипулировать судейским шумом, используя его как элемент своей риторской стратегии²⁴.

²³ Впрочем, логограф мог проконсультировать своего клиента относительно технических приемов ex tempore.

²⁴ См. подробное исследование судейского шума (θόρυβος) с многочисленными примерами из источников в статье В. Берса: *Bers V. Dikastic Thorubos // Crux: Essays in Greek History Presented to G.E.M. de Ste. Croix / Ed. P. Cartledge, F.D. Harvey. L., 1985. P. 1–15.*

Поблизости от того места, где происходил суд, присутствовала (стояла) публика – просто зеваки и любопытствующие, и конечно, группы поддержки сторон. Ораторы обращаются к ним, как к *περιεστηκότες*²⁵ («стоящие вокруг» – Aristoph. *Acharn.* 915; Aeschin. II. 5; III. 55–56; Dem. XVIII. 196; XIX. 309; XX. 165; Din. I. 66). Они могли слышать то, что происходило на заседании, и выражать криками одобрения или возмущения свое отношение к этому, создавая свой *θόρυβος* (Dem. XX. 156; Din. I. 30). В крайне редких, исключительных случаях, если присутствие публики было нежелательным, принимались особые меры. Со слов Поллукса известно, что при слушании дел, касающихся мистерий, натягивали веревочный барьер (*περισχοίνισμα*) на расстоянии примерно 50 футов (15 м) от места судебного заседания, чтобы не дать возможности непосвященным слышать происходящее (Pollux. VIII. 123. 141). Особой популярностью у афинской публики пользовались процессы, на которых выступали знаменитые ораторы и политики. Так, Эсхин утверждает, что на процесс Ктесифонта («О венке») пришло огромное количество народу – и афины, и греков из других городов (III. 56).

По предположению А. Ланни, согопа могла играть важную роль в подготовке к судейской работе тех, кто не достиг еще нужного возраста (30 лет), и, так сказать, в повышении квалификации потенциальных судей: посредством лицезрения и выслушивания того, что происходило на судебных заседаниях, они постигали искусство судебной риторики, учились оценивать аргументацию, знакомились с какими-то законами и т.п. (ср. *Lys.* X. 15)²⁶. Во всяком случае, политики (*Lys.* XXVII. 7), профессиональные риторы и изучающие ораторское мастерство регулярно посещали дикастерии: Эсхин в речи против Тимарха заметил, что сам он часто слушает речи в судах (I. 77), а его противник Демосфен привел на процесс своих учеников, чтобы они послушали его выступление (Aeschin. I. 156). Сам великий вития еще мальчиком пробрался на процесс знаменитого в те времена политика Каллистрата (по делу об Оропе), и, по словам херонейского биографа, на отрока так повлияла, с одной стороны, слава и восхищение, снисканные оратором, а с другой – красота речи последнего, что именно с тех пор он твердо решил стать ритором, забросил все детские игры и стал усердно предаваться упражнениям в произнесении речей (Plut. Dem. 5).

Иногда судебные ораторы в судах адресовали публике вопросы (требующие, естественно, не вразумительного ответа, а эмоциональной «шумовой» реакции), как, например, Динарх: «Может ли кто из вас [судей] или из стоящих вокруг (*τῶν περιεστηκότων*) сказать, какие дела, частные или общественные, не погубил этот человек [Демосфен], как только принимался за них?» (I. 30; пер. Т. Прушакевич). Выступавшие, обращая внимание на присутствие зрителей как на представителей «общественного мнения», пытались таким образом повлиять на судей, оказать на них давление²⁷. «Сейчас

²⁵ В римской судебной практике присутствующая на суде публика называлась согопа (*Cic.* *Flac.* 69; *Brut.* 289–290).

²⁶ *Lanni A.M.* *Spectator Sport or Serious Politics? Oi periesthikotes and the Athenian Lawcourts* // *JHS.* 1997. 117. P. 186.

²⁷ Мнение А. Ланни о том, что присутствие зрителей было неформальной *θύβουα* (отчетом) для судей, своего рода общественным контролем, компенсировавшим неподотчетность дикастов (Op. cit. P. 189), кажется несомненным преувеличением: в конце концов, судейское голосование было *тайным* – в отсутствие поименных списков судьи могли чувствовать себя в полной безопасности. Ср. рассуждения Г. Тюра по поводу *безответственного* судейского голосования и вынесения приговора: *Thür G.* *Die athenischen Geschworenengerichte – eine Sackgasse?* // *Die Athenische Demokratie...* S. 324–326.

вы выйдете из суда, и на вас будут смотреть стоящие вокруг чужестранцы и граждане. Они будут рассматривать каждого проходящего мимо мужа и догадываться по выражению лиц, кто же подал свой голос в оправдание Аристогитона... С каким лицом и какими глазами вы будете смотреть на каждого из них?» – вопрошал судей Демосфен (XXV. 98; пер. А.Я. Тыжова; ср.: Aeschin. III. 247; Din. II. 19).

Тяжущиеся пытались во что бы то ни стало пробудить в судьях жалость и сочувствие (ἔλεος, οἶκτος), они апеллировали к их благосклонности и милости (ἔϋνοια) (Dem. XXVII. 68; Lys. I. 150). Особенно усердствовали обвиняемые: они могли выставить себя жертвами судебного преследования и уже в силу этого обстоятельства заслуживающими жалости (Ant. III. 2. 2; Lys. III. 48); кроме того, они рисковали гораздо бóльшим в случае проигрыша, чем обвинители²⁸. Ответчик указывал, что выступает после обвинителя, который уже настроил против него дикастов (Lys. XIX. 11; Dem. XVIII. 6–7); иногда истцы претендовали на судейскую благосклонность, указывая на свою молодость или неопытность (Dem. XXVII. 3; XXXIV. 1; LVIII. 3) или на свой преклонный возраст (Ant. III. 2. 11) и престарелых родителей (Lys. XX. 35). Зачастую пускали в ход такое сильное средство воздействия на судейские эмоции, как слезы: рыдали тяжущиеся (Lys. XXVII. 12; Dem. XXX. 32; Din. I. 110), их синегоры – друзья и земляки (Lys. XXVII. 12; Dem. XXXVII. 48), приведенные на процесс дети (Dem. XIX. 281).

Зывание к состраданию судей, сопровождающееся соответствующими жестами, мимикой, стенаниями, специально приведенной в беспорядок одеждой, «живыми картинками» (Arist. Rhet. 1386a–b), как никакая другая составляющая процесса театрализовывало судебное действо. Приводили рыдающих и умоляющих друзей, родственников и детей (τοὺς φίλους παρακαλεῖν καὶ τὰ παῖδιά ἀναβιβάζεσθαι – Lys. XXVII. 12; Dem. XXI. 99. 186; XXV. 84; Нур. IV. 41), как в пародийном «собачьем процессе» у Аристофана. Защитник обвиняемого пса Лабета, Бделиклеон, пускает в ход *ultima ratio*:

О, пожалей же пса, молю тебя, отец!
Не погуби его! Собачьи дети где?
[приносят щенят]
Несчастные, войдите. Умоляйте,
Просите, плачьте, визгом одолейте.

(Vesp. 975–978; пер. А. Пиотровского).

Интересно, что об умоляющих женщинах говорится гораздо реже, одно из редких – упоминание о несчастных «старухах-матерях» в речи Демосфена против Аристогитона (XXV. 84), что, очевидно, связано с намеренной удаленностью женщины от сферы публичного²⁹. Ораторы в судебных речах избегали даже называть порядочных женщин по именам, идентифицируя их по родственникам-мужчинам. Исключение составляли особы дурной репутации, а также те, кто был связан с противником по процессу и усопшие. Порядочная

²⁸ Статистику – сколько раз зывали к милосердию обвиняемые, сколько – обвинители (соотношение 10 : 1) – см. *Johnstone S. Disputes and Democracy: the Consequences of Litigation in Ancient Athens*. Austin, 1999. P. 111.

²⁹ См. *Shaps D. The Woman Least Mentioned: Etiquette and Women's Names // CQ*. 1977. 27 (n.s.). P. 323–330.

женщина появлялась в суде в исключительных случаях³⁰. Известные нам случаи присутствия женщин в суде относятся к бывшей гетере Неэре (Dem. LIX. 115) и действующей – Фрине (см. ниже).

Эсхин, отбиваясь от обвинений Демосфена в «предательском посольстве», выстроил на беме всю свою семью: «Со мной пришли к вам просители: мой отец – не отнимайте же надежду его старости! – мои братья, которые, расставшись со мною, вряд ли захотят жить, мои свойственники и эти малые дети, еще не сознающие грозящих опасностей, но достойные жалости, если мне придется пострадать» (II. 179; пер. С. Ошерова). Предвидя мольбы Эсхина, его неумолимый противник так готовил к ним судей: «Слезы он лить будет о самом себе, совершившим в посольстве такие дела, и, может быть, даже приведет и покажет вам своих детей; но вы, судьи, при виде его детей имейте в виду, что дети ваших союзников и друзей скитаются и бродят нищими, что они, терпя по его вине такие беды, куда больше заслуживают вашей жалости, чем дети отца – преступника и предателя» (Dem. XIX. 310; пер. С. Ошерова).

В тот раз судьи, несмотря на рациональные доводы жестокосердного Демосфена, проявили снисходительность к умоляющему Эсхину и незначительным большинством голосов оправдали его. Вообще, обычная тактика обвинителей – не подвергать сомнению право судей на жалость, а указывать на то, что именно в данном случае из-за особой злокозненности обвиняемого или тяжести (неслыханности) его преступления для сострадания нет оснований (Ant. I. 26; Dem. XXI. 100–101; XXV. 81–83; Lyc. I. 141; Din. II. 11). Выигрышной для обвинителя была и антитеза жалость – общественные интересы. Ликург выражал надежду, что сострадание к обвиняемому Леократу и его слезы не окажутся для дикастов сильнее, чем «сохранение законов и демократии» (οὐ πλέον ἰσχύει παρ’ ὑμῖν ἔλεος οὐδὲ δάκρυα τῆς ὑπὲρ τῶν νόμων καὶ τοῦ δήμου σωτηρίας – I. 150). Динарх, призывая судей не обращать внимания на рыдающего Демосфена, просит пожалеть страну, которую он как бы выводит на бему в качестве просительницы и истицы: «Это она вызывает теперь к вам, возвращенным ею, и молит, поставив рядом с собой ваших детей и жен, чтобы вы покарали предателя» (I. 109; пер. Т.В. Прушакевич). Троп «оставьте жалость» почти также часто использовался судебными ораторами, как «пожалейте»³¹.

Несмотря на все ухищрения обвинителей, *argumentum ad misericordiam*, особенно подкрепленный видом рыдающих детей, был весьма действенным. «Мы видим, господа судьи, – говорит оратор в одной из речей Лисия, – что если подсудимый, приведя своих детей, плачет и жалуется, то вы жалеете детей... и прощаете проступки отцов ради детей» (XX. 34; пер. С.И. Соболевского). Оратор одной из речей Демосфенова корпуса (вероятно, Аполлодор) утверждает, что отстаивающие свои права на имущество стараются раздобыть сирот или дочерей-наследниц, или престарелых матерей, нуждающихся в пропитании и заботе, чтобы пробудить в судьях сострадание и выиграть таким образом дело (Dem. LIII. 29).

³⁰ С. Голдхилл предположил, что упоминание об упрасивающих старухах-матерях в речи против Аристогитона – риторическое преувеличение; плачущих женщин, в отличие от детей, в суд не приводили, и вообще женское участие в судебной процедуре было строго регулируемо и серьезно ограничено (*Goldhill S. Representing Democracy: Women at the Great Dionysia // Ritual, Finance, Politics: Athenian Democratic Accounts Presented to D. Lewis / Ed. R. Osborne, S. Hornblower. Oxf., 1994. P. 358–359.*)

³¹ По подсчетам Р. Стренберг, призывы «оставить жалость» встречаются примерно в 19% дошедших до нас судебных речей, а взывания к жалости – в 21% речей (*Sternberg R.H. The Nature of Pity // Pity and Rower in Ancient Athens... P. 42.*)

Упрашивать начинали еще до открытия судебного заседания, на подходе к месту, где оно происходило. Для V в. до н.э., помимо комической сцены об обхаживании просителями дикаста Филоклеона в аристофановских «Осах» (Aristoph. Vesp. 552–556), есть свидетельство Псевдо-Ксенофонта: приехавшие в Афины на суд союзники кидаются в ноги и хватают за руку каждого входящего в дикастерии (Ps.-Xen. Ath. pol. I. 18 – καὶ ἀντιβολῆσαι ἐν τοῖς δικάστηρίοις καὶ εἰσιόντος τοῦ ἐπιλαμβάνεσθαι τῆς χειρός). Во времена Демосфена, хотя порядок распределения судей по судам изменился и далеко не все, кто приходил с утра пораньше в здание суда, там оставались, практика обхаживания потенциальных дикастов сохранялась. Об этом упоминает и Демосфен (XXI. 4 – намек на подобные действия со стороны Мидия; XIX. 1 – о сторонниках Эхина, докучавших только что избранным судьям), и Эсхин (III. 1 – об уговорах «группы поддержки» Демосфена).

В недошедшей до нас комедии Посидиппа «Эфесянки» (начало III в. до н.э.) небезызвестная гетера Фрина добивается своего оправдания, рыдая и хватая за руку каждого судью³² (Athen. XIII. 591e–f – τῶν δικάστων καθ' ἕνα δεξιούμενη μετὰ δακρύων διέωσω τὴν ψυχὴν μόλις). С этой прелестницей связан еще один рассказ о психологической атаке на судейские эмоции. В биографии Гиперида из «Жизнеописания десяти ораторов» Псевдо-Плутарха сказано, что знаменитый оратор выиграл процесс своей возлюбленной, привлеченной к суду за святотатство, с помощью следующей уловки: он вывел ее на середину, порвал ее одежду, обнажив грудь, и когда судьи воочию убедились, как неотразимо прекрасна Фрина, они помиловали ее (Mor. 849e)³³. Афиней, более подробно пересказывающий эту же историю³⁴, добавляет, что Гиперид при этом еще жалобно стенал и что будто бы после этого случая было принято постановление, запрещающее ораторам стенания и плач перед судьями, а судьям – глядеть на обвиняемого или обвиняемую при голосовании (μηδένα οἰκίζεσθαι τῶν λεγόντων ὑπὲρ τινος μηδὲ βλέπομενον τὸν κατηγορούμενον ἢ τὴν κατηγορούμενην κρίνεσθαι – XIII. 590 d–e). Существование подобной псефизмы сомнительно и не находит подтверждения в других источниках³⁵. Не говоря о трудности претворения в жизнь такого постановления и о том, что взывание к судейскому состраданию посредством слезных просьб – обычная риторская уловка (ἐπὶ τινος ἐλεεινοῦ σχήματος), едва ли демос в лице и дикастов и зрителей решился бы лишиться себя одной из главных услад афинского судебного процесса. Сама история, возможно, и приукрашенная традицией³⁶,

³² Заметим, что прикосновение к таким частям тела судьи, как колени, руки, подбородок, автоматически превращало мольбу в религиозный обряд. См. *Gould J. Niketeia // JHS. 1973. 93. P. 76–77.*

³³ В поздних риторических трактатах инициатива по обнажению прелестей приписывается самой гетере (например: *Quintil. II. 15. 9; Sext. Emp. Adv. Math. 2. 4.*)

³⁴ Рассказ и Афиней, и Псевдо-Плутарха восходит к одному и тому же первоисточнику – биографу III в. до н.э. Гермиппу, который, в свою очередь, адаптировал повествование Идоменей из Лампсака (около 300 г. до н.э.), называемое предположительно *Περὶ τῶν Ἀθηνησιν δημαγωγῶν*. См. *Cooper C. Hyperides and the Trial of Phryne // Phoenix. 1995. 49. № 4. P. 304–305.*

³⁵ Правда, Раубичек считал, что декрет – подлинный и предложен был самим Гиперидом (*Raubitschek A.E. Phryne // RE. Bd 20. Hlbd I. 1941. Sp. 906–907.*)

³⁶ Крег Коопер полагает, что Идоменей неправильно истолковал *perogatio* из речи Гиперида *Περὶ Φρύνης*: оратор вовсе не обнажал свою «подзащитную», а описывал ее жалкое состояние, а та в приведенной в беспорядок одежде била себя в грудь – в духе трагических героинь (*Cooper. Op. cit. P. 312–313.*)

стала любимым топосом в работах по риторике, на этом примере демонстрирующих, что искусство убеждения заключается не только в словесных, но и в некоторых других безотказно действующих аргументах «языка тела» (Quintil. II. 15. 9; Sext. Emp. Adv. Math. 2. 4; Philodem. Rhet. I. 20. 4 etc.).

Обращение к судьям с мольбой и заклинаниями о жалости (ἔλεος) – обычный способ заканчивать речь (δέομαι, ἀντιβολέω, ἰκετεῦω – например: Lys. IV. 20; VI. 55; XVIII. 27; XXI. 21; XXII. 21; Dem. XXVII. 68; XXXVIII. 28; XLIII. 49 etc.). Так же в конце своего выступления как истец, так и ответчик в последней попытке повлиять на исход голосования напоминал судьям почти всегда о справедливости и часто о законе, которыми они должны руководствоваться, подобно Мантифею, судившемуся со своим сводным братом Беотом, в речи, написанной для него Демосфеном: «Поэтому я, опираясь на справедливейшие доводы (κατὰ τὴν δικαιοτάτην γνώμην), на законы (τοὺς νόμους), на данную вами клятву (τοὺς ὄρκους), на признание другой стороны (κατὰ τὴν τοῦτου προσομολγίαν), обращаюсь к вам, афиняне, с умеренной и, думаю, справедливой просьбой...» (XXXIX. 41; пер. Л.М. Глускиной). Также: Ant. I. 31 – «вам надлежит судить по справедливости» (πρὸς ὑμᾶς αὐτοὺς καὶ δικάζειν τὰ δίκαια); Lys. III. 46 – «вынесите справедливый приговор» (τὰ δίκαια); Dem. XX. 167 – «то, что вы полагали справедливым, сохраните в душе и помните, пока голо-суете (ἀλλ' ἃ δίκαι' ἐγνώκατε, ταῦτα φυλάξατε καὶ μνημονεύετε, ἕως ἄν ψηφίσησθε); XXI. 227 – «накажите этого человека [Мидия], как того требуют... благочестие и справедливость (τὴν ὀσίαν καὶ δικαίαν)»; XXXIII. 38 – «вы решайте по справедливости в соответствии с законами» (ὑμεῖς οὖν κατὰ τοὺς νόμους γινώσκετε τὰ δίκαια); XLVI. 28 – «накажите... ради вас самих, ради меня, ради справедливости и ради закона» (τιμωρήσασθαί... ὑπὲρ τε ὑμῶν αὐτῶν καὶ ἐμοῦ καὶ τοῦ δικαίου καὶ τῶν νόμων). Оратор часто зывал к справедливости: Dem. XXXV. 56, XXXVI. 61; XXXVII. 60; XL. 61; XLVII. 82; XLVIII. 57; LI. 33; LIX. 126. Не забывал призывать к тому же и Эсхин: «вынесите приговор, справедливый и полезный для государства» (τὰ δίκαια καὶ τὰ συμφέροντα ὑπὲρ τῆς πόλεως ψηφίσασθε – III. 260)³⁷.

Итак, в горьких словах Ксенофонта, вложенных в уста Гермогена: «Часто судьи, раздраженные речью, выносят смертный приговор людям ни в чем не виновным; часто, напротив, оправдывают виновных, потому что они своими речами разжалобят их, или потому, что они говорят им приятные вещи (πολλάκις δὲ ἀδικοῦντας ἢ ἐκ τοῦ λόγου οἰκτίσαντες ἢ ἐπιχαρίτως εἰπόντας ἀπέλυσαν)» (Apol. 4; пер. С.И. Соболевского), могла быть доля истины, судя по речам и поведению тяжущихся на беме. Ритуал упрашивания – не просто форма воздействия на судейские эмоции, но и форма донесения до судей определенной информации (того, что на языке современного пиара называется message). Упрашивающий покорно вверял свою судьбу и подчинял себя тому (тем), к кому он зывал. Можно представить себе, что чувствовали судьи, в подавляющем большинстве своем люди самого простого звания, когда смиренным и

³⁷ Современные исследователи толкуют топос «γνώμη δίκαια» по-разному. Ср., например: Meyer-Laurin H. Gesetz und Billigkeit im attischen Prozess. Weimar, 1965. S. 29 («принцип всевластия закона не ограничивался δικαιοτάτη γνώμη, а дополнялся»); Ruschenbusch E. Δικαστήριον πάντων κύριον// Historia. 1957. VI. S. 265–267 (судьи по своему усмотрению, руководствуясь своим пониманием справедливости, восполняли пробелы в законе (Gesetzlücken) и определяли, является ли деяние – предмет иска – правонарушением и какое за это следует наказание).

униженным предстал перед ним какой-нибудь афинский богач и бретер вроде Мидия (Dem. XXI. 186) или очаровательная (и весьма дорогая) гетера Фрина. Мольбы, просьбы, слезы – собственные и близких – принижали личность (в особенности личность представителя элиты) и подчеркивали коллективное превосходство и коллективную власть народа в лице судей, и в этом смысле они воспроизводили и умножали афинскую демократию: через раболепство влиятельных и богатых тяжущихся демос осознавал свою власть над ними³⁸.

Подводя итоги, выделим наиболее существенное. Главные действующие лица судебного разбирательства не стремились к прояснению технических деталей законов, уточнению правовых норм и отрицанию или утверждению правомерности их отнесения к разбираемому делу; их изложение материала дела и аргументация строились таким образом, чтобы максимально учитывать нормы, ценности, взгляды, предрассудки, верования, принятые в афинском обществе³⁹, поэтому такое важное место в речах сторон занимали соответствующие топосы. Видимо, и от судей стороны ожидали, что при вынесении приговора они, не вникая особенно в тонкости законов и формальности права, будут оценивать участников тяжбы и ее предмет с точки зрения общественной морали, политических пристрастий и социальных предпочтений. В этом – одно из принципиальных отличий афинского судебного процесса от современной системы судопроизводства.

Сознательное отступление от общепринятого жанра судебных речей могло дорого обойтись ответчику. Пример – Сократ, который в своей речи⁴⁰ несколько раз «дразнил» публику, заступая в традиционное поле, а затем быстро покидая его: начав с обычных заверений, что он простой афинянин, в судах не выступал, речам соответствующим не обучен (Plat. Apol. 17a–d), он далее вместо того, чтобы уповать на народную мудрость, стал восхвалять собственную (20d–21e), подчеркивая свое превосходство над согражданами. Вместо того, чтобы приписать выдвинутые против него обвинения злокозненности и продажности обвинителей, он напомнил судьям о всеобщем и несправедливом предубеждении против него (19b–e, 28a–b), тем самым поставив под сомнение коллективную σοφροσύνη⁴¹. Наконец, он заявил, что справедливый человек, занимаясь государственной деятельностью, в Афинах долго не проживет, ибо за критику беззаконий неминуемо поплатиться жизнью (31e–32a), и противопоставил свое поведение в деле стратегов-победителей⁴² безрассудству демо-

³⁸ См. *Johnstone*. Op. cit. P. 110, 122–125.

³⁹ См. *Cohen D.* The Rule of Law and Democratic Ideology in Classical Athens // *Die athenische Demokratie...* P. 243.

⁴⁰ Естественно, в том виде, в котором она изложена в «Апологии Сократа» Платона.

⁴¹ Подробный разбор такого рода провокаций в апологии Сократа см. *Ober J.* Political Dissent in Democratic Athens: Intellectual Critics of Popular Rule. Princeton, 2002. P. 166–179.

⁴² Процесс стратегов-победителей спартанского флота в битве при Аргинусских островах (406 г. до н.э.), обвиненных по исангелии за то, что не подобрали раненых и тела погибших (*Xen. Hell. I. 7; Diod. XIII. 100*). Шесть стратегов, прибывших на суд в Афины, были осуждены и казнены (подробнее см. *Кудрявцева Т.В.* Политический процесс в классических Афинах (на примере процесса стратегов-победителей) // *Клио. Журнал для ученых.* 1999. № 2 [8]. С. 74–80). Сократ, который был либо эпистатом (*Xen. Mem. I. 1. 18*), либо просто одним из пританов (*Xen. Hell. I. 7. 16; Plat. Apol. 32b*), отказался поставить противозаконное предложение обвинителя стратегов Калликсена на голосование (*Hatzfeld J.* Socrate en procès des Arginuses // *REA.* 1940. 42. P. 165–171).

са, судившего незаконно и вопреки справедливости (32b–d). Вместо того, чтобы просто сказать «я не стал приводить трех моих сыновей», он объяснил судьям, что те, кто уповает на их жалость, упрашивает и умоляет [т.е. большинство, если не все тяжущиеся. – Т.К.], поступают бесчестно и позорят город (αἰσχύνῃν τῇ πόλει περιόπτειν), ибо, увидев такое «слезное представление», «какой-нибудь чужеземец может заподозрить, что у афинян люди, которые отличаются доблестью и которых они сами выбирают на главные государственные и прочие почетные должности, ничем не отличаются от женщин» (γυναϊκῶν οὐδὲν διαφέλουσιν) (34c–35b; пер. М. Соловьева)⁴³. Еще более серьезный аргумент: «судья ... присягал не в том, что будет миловать кого захочет, но в том, что будет судить по законам», и если бы Сократ попытался известными способами вызвать у дикастов жалость, это означало бы, что он побуждает их нарушить клятву (35c–35d).

Такую пощечину устоявшейся практике афинские судьи не простили, и в своем последнем слове, объясняя причины обвинительного приговора, Сократ утверждал, что осужден он потому, что не пожелал сказать судьям то, что им «всего приятнее было бы слышать, вопия, рыдая и говоря... еще многое недостойное» его (38d–e; пер. М. Соловьева), – все то, что дикасты привыкли слышать от других.

Так описывает поведение Сократа на суде Платон. Ему вторит другой ученик афинского мудреца – Ксенофонт: «Когда Сократ был привлечен к суду Мелетом, он не захотел прибегнуть к обычным в дикастериях вещам – говорить судьям приятное, льстить, просить вопреки законам⁴⁴ (πρὸς χάριν τε τοῖς δικάστοις διαλέγεσθαι καὶ κολακεύειν καὶ δεῖσθαι παρὰ τοὺς νόμους), хотя из-за таких уловок многие часто оправдываются дикастами (καὶ διὰ τὰ τοιαῦτα πολλῶν πολλὰκις ὑπὸ τῶν δικάστων ἀφιεμένων); но Сократ, которого судьи оправдали бы без затруднения, если бы он хоть в малой степени воспользовался этими средствами, предпочел соблюдать законы и умереть, чем преступать их и жить (προεἶλετο μάλλον τοῖς νόμοις ἐμμένων ἀποθανεῖν ἢ παρανομῶν ζῆν)» (Mem. IV. 4. 4; пер. С.И. Соболевского с нашими изменениями).

THE LITIGANTS ON THE BEME: THE SPEECHES AND BEHAVIOUR OF THE PARTIES IN THE ATHENIAN COURT

T. V. Kudryavtseva

The speakers in the Athenian lawsuits were attempting to win the sympathy of the jurors verbalising the norms and beliefs sanctioned by society. They reproduced and in some way adjusted the ideology of the Athenian democracy. The content of their speech was not only concrete action, which was an object of a suit, but the all preceding public and private life of

⁴³ Очевидно, высоко ценя поведение Сократа на суде, Платон запретил в своем идеальном государстве «позыдные мольбы» и «женские вопли» (μητε ἰκετείας χρομενον ασχημοσιν μητε οἰκτιος γυναικειοις – Leg. 949b).

⁴⁴ В суде Ареопага действительно запрещалось воздействовать на судей мольбами и слезами; в гелиэе, в которой судили философа, – не запрещалось, но, может быть, Сократ видел тут противоречие духу законов, закону нравственному. См. Соболевский С.И. Примечания // Ксенофонт. Сократические сочинения. СПб., 1993. С. 382.

a litigant. The orator tried to represent his character and behavior in the highest possible favorable light, and defile the claims and views of his opponent.

Different topos are examined: «inexperienced orator», «irreproachable biography», «lavish liturgist». The litigants stressed a personal motive in initiating a suit (enmity, hatred, revenge) so as not to be suspected of sycophancy. One of the favorite topos was to exaggerate his poverty and to juxtapose it with the opponent's wealth. As J. Ober observes, by lowering his real status the speaker put himself on the same social footing as his audience and demonstrated that he shared the communal prejudices and values.

The litigant could ask questions to his rival; the jurors reacted to their speeches very emotionally, interrupting them by cheers of approval and disapproval. The cluster of spectators and supporters was present and sometimes the orators addressed it. The litigants (especially the defendant) did their best in seeking the jurors' compassion – they cried, brought their children etc. The ritual of begging was not only a way of playing upon the judges' emotions: the appeals and tears humiliating the imploring person (a member of elite in particular) strengthened superiority and collective power of demos in the form of jurors.

The deliberate departure from the established style of judicial speeches would cost a litigant dearly. An example is that of Socrates: as Plato and Xenophon state, he was condemned and paid his life for his abhorrence of this practice.